

АГЕНТСТВО МЕЖДУ МИРАМИ

ТЕНЬ В ПОРТАЛЕ

АЗРЕТ ЗЕУШЕВ

Азрет Зеушев
Агентство «Между
мирами». Тень в портале
Серия «Агентство «Между
мирами»», книга 1

*<https://litres.ru/74028521>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Вера Краснова погибает во время спасательной операции — и получает второй шанс. Очнувшись в чужом теле в незнакомом мире, она узнаёт о существовании Канцелярии Межмирья — тайной организации, следящей за порталами между мирами. Теперь Вера — Проводник, способный проходить там, где гибнут другие.

Но её первое задание оказывается смертельно опасным: пропал маг-дипломат, от которого зависит мир между двумя государствами. Пока по горам расползаются порождения порталов, а в тени назревает заговор, Вере предстоит разобраться, кому можно доверять, почему её выбрал Порог — и что скрывает сама Канцелярия.

Мрачное приключенческое фэнтези о втором шансе, тайнах между мирами и цене человеческой жизни.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Агентство «Между мирами». Тень в портале

Глава

Книга первая: Тень в портале

Глава 1. Второй шанс

Вера никогда не думала, что смерть пахнет гарью и бетонной пылью.

Земля ушла из-под ног в 14:37. Именно в это время, как потом скажут в новостях, сейсмодатчики зафиксировали толчок магнитудой 7.2. Эпицентр — в пятнадцати километрах от города. А Вера как раз вытаскивала из-под обломков ребёнка.

Пятиэтажная «хрущёвка» сложилась внутрь, будто карточный домик, на который кто-то наступил. Перекрытия рухнули слоями: бетон, арматура, мебель, чья-то жизнь. Под

завалами кричали. Собака лаяла без остановки уже третьи сутки где-то на третьем этаже — обезумевший спаниель, которого никто не мог достать.

Вера работала на адреналине уже двенадцать часов. МЧС бросили в город сразу после первого толчка. Их расчёт — четверо мужчин и она, Вера Краснова, двадцать семь лет, старший лейтенант, лучший оперативник смены. Никто не смотрел на неё как на «девушку» — после первых суток под завалами все равны.

Она слышала голос. Тонкий, детский. Мальчик. Лет пять, не больше.

— Я здесь! — Вера крикнула в щель между плитами, подсвечивая фонарём. — Слышишь меня? Не бойся, я достану.

— Холодно, — ответил голос. — Очень холодно.

— Это хорошо.

Вера знала: холодно — значит, жив. Значит, кровь ещё бежит, значит, сердце качает. Холодно — это шанс. Вот когда станет тепло и безразлично — тогда всё.

— Держись, маленький. Я лезу.

Она скинула каску — мешала пролезть в узкий проём. Плевать на технику безопасности. Техника безопасности — это когда есть время. Когда под ногами не дрожит земля, готовая в любой момент сожрать тебя вместе с теми, кого ты пытаешься спасти.

Бетон крошился под пальцами. Арматура рвала рукав куртки. Где-то сверху натужно скрипела уцелевшая балка. Вера ползла, протискиваясь бёдрами, плечами, чувствуя, как острый угол плиты впивается в спину.

Мальчик сидел в бетонном «кармане» — пустоте, которую чудом оставили рухнувшие перекрытия. Худой, чумазый, в синей пижаме со слонами. Глаза огромные, но сухие. Страх уже прошёл ту стадию, когда кричат. Теперь он просто ждал.

— Привет, — Вера улыбнулась, хотя губы трескались от пыли. — Я Вера. А ты?

— Даня.

— Красивое имя. Давай руку, Даня. Я вытащу тебя отсюда, и пойдём есть мороженое.

Мальчик протянул ладошку. Пальцы ледяные, но хватка цепкая. Живая.

Вера потянула его к себе, разворачиваясь в узком пространстве. Теперь она ползла спиной вперёд, прижимая ребёнка к груди. Он пах детским шампунем и страхом. Она шептала ему в макушку какую-то чушь — что всё будет хорошо, что она знает лучшее кафе в городе, что там дают по три шарика, и можно выбрать клубничное, шоколадное и фисташковое...

Земля дрогнула.

Это был не толчок. Скорее, судорога. Глубинная, утробная. Плита над головой просела на сантиметр, взвизгнула арматура.

— Вера! — заорал снаружи Женя, командир расчёта. — Уходим! Повторный!

Она ползла быстрее, обдирая локти и колени. Свет фонаря плясал по бетонному крошеву. Пять метров. Три. Ещё немного. Она видела проём, видела протянутую руку Жени, видела серое небо за его спиной.

Она успела.

Она почти успела.

Когда плита пошла вниз, Вера сделала единственное, что успела сделать: вытолкнула мальчика вперёд. Женя подхватил его за шиворот, выдернул наружу. А следующий слой бетона рухнул на Веру.

Боль была короткой и почти не страшной. Словно кто-то выключил свет.

А потом наступила тишина.

Тишина оказалась не пустой. В ней был кто-то ещё.

Вера парила в темноте без верха и низа, без тела, без боли, но с полным, ясным сознанием. Она понимала, что мертва. Это не укладывалось в голове — как можно понимать, что ты мертва, если продолжаешь мыслить? — но было несомненным фактом.

И в этой пустоте прозвучал голос.

Он не был мужским или женским, громким или тихим.

Он просто был — словно кто-то говорил прямо в центр её сознания, минуя уши, минуя воздух.

— Ты подходишь.

Вера попыталась ответить. Мысль сложилась сама:

— Куда подхожу?

— У тебя редкая структура души. Незавершённая связь. Ты умирала один раз прежде. До рождения. Это оставило... трещину.

— Какую трещину?

— Трещину, через которую можно пройти. Ты будешь проводником.

Вера не понимала. Но страха не было. Там, где она находилась, страха вообще не существовало — как не существовало холода, жажды или времени. Только информация и ожидание.

— Ты нужна. Есть миры, где порталы закрываются. Мы не можем проводить агентов обычным путём. Но ты — другое дело. Ты пройдёшь.

— А если я откажусь?

— Тогда ты умрёшь. Ты уже умерла. Это второй шанс.

Хороший аргумент. Веский.

— Я буду помнить себя?

— Да. Ты будешь собой. Просто в другом теле. Оно уже подготовлено. Предыдущая хозяйка... ушла. Оставила его. Тебе остаётся только войти.

— Что от меня потребуется?

— Служба. Ты будешь работать на Канцелярию Межмирья. Найдёшь тех, кто пропал. Закроешь то, что открыто. Исправишь то, что сломано. Подробности — на месте. Если выживешь.

— А если не выживу?

— Тогда умрёшь. По-настоящему.

Вера подумала о Дане. О мальчике в синей пижаме со слонами. Он выжил? Она хотела спросить, но не успела.

Темнота свернулась в воронку, и её затянуло в свет.

Вера открыла глаза — и немедленно пожалела об этом.

Боль была везде. В шее — острой, режущей. В лёгких — жгучей, словно она вдохнула раскалённый песок. В запястьях — пульсирующей, будто кто-то долго сжимал их, выкручивая кости.

Она лежала на чём-то твёрдом. Пол. Деревянный. Грубый. Пахло пылью, сухими травами и чем-то ещё — кисловатым, затхлым. Свечным воском?

Над ней склонились лица.

Первое — женское. Круглое, покрасневшее от плача. Чепец сбился набок, из-под него выбивались седые пряди. Губы шевелились безостановочно — то ли молитва, то ли причитания. Слов Вера не понимала, но интонация была универсальной: шок пополам с ужасом.

Второе — мужское. Жёсткое. Опасное.

Ей не понадобилось профессиональной подготовки, что-

бы это понять. Мужчина был высок, широк в плечах, одет в тёмное — не мундир, но что-то близкое к форме. Плащ с серебряной застёжкой. Сапоги до колен. На поясе — кобура. Или нет. Ножны. Точно ножны. Из них торчала рукоять, и рука мужчины лежала на ней.

Глаза — светло-серые, почти прозрачные — смотрели на Веру без сочувствия. Скорее, с холодным, профессиональным интересом. Так смотрят на предмет, который внезапно повёл себя не по инструкции.

— Очнулась, — сказал он. Не вопрос — констатация. Голос низкий, с металлическим оттенком.

Женщина всхлипнула и заголосила громче. Мужчина бросил на неё короткий взгляд — и она замолчала, зажимая рот ладонью.

— Где... — начала Вера, но собственный голос прозвучал чужо. Хриплый, слабый, с каким-то присвистом.

Она замолчала. Подняла руку — медленно, преодолевая боль в запястье.

Это была не её рука.

Нет, технически — её. Пять пальцев. Бледная кожа. Но слишком тонкая, слишком узкая кисть. И шрам у основания большого пальца, которого у Веры никогда не было. И обкусанные ногти — Вера свои никогда не обкусывала.

Она резко села. Перед глазами поплыло, но она смогла удержаться. Огляделась.

Комната. Небольшая, с низким потолком. Стены обшиты тёмным деревом. Узкое окно, забранное решёткой, пропускает бледный серый свет — не день, не ночь, сумерки. Мебель грубая: стол, пара стульев, сундук. В углу — маленький алтарь с догорающей свечой.

А прямо перед ней на полу валялась верёвка.

Вера перевела взгляд на собственные запястья. Следы от верёвки. Красные, воспалённые. Потом на шею — боль там была сильнее всего. Она коснулась пальцами и нащупала тонкую полосу ожога. Верёвка была на шее. Кто-то висел в петле. Кто-то — в этом теле — пытался повеситься.

И умер.

А потом пришла она.

— Дайан, — прошептала женщина, всё-таки нарушив молчание. — Дайан, ты жива. Слава богам, ты жива...

Дайан. Не Вера.

Теперь понятно.

Мужчина сделал шаг вперёд. Теперь Вера разглядела его лучше. Лет тридцать — тридцать пять. Лицо узкое, с резкими чертами. Нос с горбинкой, видимо, сломанный когда-то и не совсем правильно сросшийся. Тёмные волосы собраны в низкий хвост. На виске — тонкий белый шрам, уходящий в линию роста волос.

— Твоё имя, — сказал он негромко.

Вера открыла рот — и поняла, что не знает, что ответить. Кто она сейчас? Дайан? Вера? Проводник?

— Я... — голос сорвался в хрип.

— Твоё настоящее имя, — повторил мужчина. — Не то, что написано в местных бумагах. То, которое ты носила до.

Она подняла на него взгляд. Светло-серые глаза смотрели прямо, без тени сомнения. Он знал. Он ждал.

— Вера, — сказала она. — Вера Краснова.

Мужчина кивнул, будто услышал ровно то, что ожидал.

— Хорошо. Меня зовут Алекс. Куратор Канцелярии. Добро пожаловать на службу, Проводник.

— Какая служба? — Вера потёрла запястья, пытаясь вернуть чувствительность. — Я ничего не...

Она не договорила.

Женщина в чепце, та самая, которая назвала её Дайан, вдруг упала на колени и вцепилась Вере в юбку — да, на ней была юбка, грубая шерстяная ткань, дурацкая юбка до пола, в которой неудобно даже ходить, не то что лазать по завалам.

— Дайан! — заголосила она. — Госпожа Дайан, простите меня! Простите! Я не доглядела! Вы бы умерли, вы бы точно умерли, если бы не господин Алекс!..

— Она не Дайан, — спокойно сказал Алекс. — Забудь это имя. Дайан мертва.

Женщина застыла, выпучив глаза.

— Твою госпожу зовут Вера. Привыкай. И принеси ей одеться. И поесть. У нас мало времени.

Женщина перевела взгляд с Алекса на Веру, потом обратно. И, видимо, решив, что спорить с человеком, у которого на поясе ножны, — плохая идея, быстро закивала и попятилась к двери.

Когда дверь за ней закрылась, Вера с трудом поднялась на ноги. Тело было слабым, плохо управляемым. Мышцы дрожали, в ушах стоял звон. Но она всё равно встала и посмотрела Алексу в глаза.

— У меня вопрос, — сказала она.

— Задавай.

— Тот голос... в темноте. Кто это был?

Алекс на мгновение отвёл взгляд. Впервые на его лице мелькнуло что-то, похожее на эмоцию. Но не страх и не удивление. Скорее, усталое узнавание.

— Это сложный вопрос, Вера Краснова. И ответ на него тебе не понравится.

— Я пережила землетрясение, смерть и повешение за одно утро. Думаю, я справлюсь.

Алекс чуть заметно дёрнул уголком губ. Это могло бы сойти за улыбку, если бы не холод в глазах.

— Хорошо. Тогда слушай. Ты не первая. И, скорее всего, не последняя. До тебя было много Проводников. Большинство мертвы. Те, кто выжил... изменились. Сломались. Голос, который ты слышала — мы называем его Порогом. Или Хранителем. Никто не знает, что это на самом деле. Известно только, что он появляется в момент перехода и предлагает сделку. Ты согласилась.

— А если бы я отказалась?

— Я же сказал. Большинство Проводников мертвы.

Вера сглотнула. Горло саднило от верёвки.

— Ясно. И что дальше?

— Дальше — твоё первое задание, — Алекс достал из внутреннего кармана плаща сложенный лист бумаги. — В этом королевстве, которое называется Реваль, три дня на-

зад пропал маг-дипломат по имени Орлан Винтер. Он ехал на переговоры, которые должны были предотвратить войну. Исчез на середине пути. Ни тела, ни следов магии, ни требований выкупа. Мы предполагаем, что его затянуло в закрытый портал — один из тех, что плодятся последнее время по всему континенту. Ты — Проводник. Ты можешь пройти туда, куда не можем мы. Ты найдёшь его и вытащишь. Или хотя бы узнаешь, что с ним случилось.

— А если я не смогу?

— Тогда начнётся война, — просто сказал Алекс. — Дипломат вёз мирный договор. Без него Реваль и соседняя Тарсия сцепятся друг другу в глотки. Жертвы, беженцы, разрушенные города. Ты же спасатель, Вера? Вот и посчитай, сколько жизней будет на кону.

Он положил бумагу на стол и направился к двери.

— Отдыхай. Ешь. Приводи себя в порядок. Утром выдвигаемся.

— Алекс, — окликнула она.

Он обернулся.

— Почему я? Почему именно меня выбрали?

На этот раз пауза была дольше. И когда Алекс заговорил, его голос звучал почти... человечно.

— Потому что ты не сломалась. Ты умерла, спасая ребёнка. И первое, что ты спросила у Порога — не «почему я», не «за что», а «что от меня потребуется». Ты даже после смерти продолжаешь работать. Нам такие нужны.

Дверь закрылась.

Вера осталась одна в комнате с умирающей свечой и верёвкой на полу. Она подошла к окну. За решёткой — серое небо, острые крыши, далёкие горы на горизонте. Чужой мир. Чужое тело. Чужое имя.

Она провела пальцами по следу от верёвки на шее.

— Хорошо, — сказала она вслух. — Раз надо — значит, надо.

И принялась распутывать узлы на юбке. В юбке она воевать не собиралась.

Глава 2. Чужое тело, чужие правила

Утро началось с крика.

Вера проснулась рывком — так просыпаются спасатели, когда сирена воем посреди ночи, когда мозг ещё не включился, а тело уже действует. Она скатилась с кровати, прижалась спиной к стене, ища глазами опасность.

В комнате никого не было. Крик доносился из-за двери — женский, истошный, полный неподдельного ужаса.

Вера выругалась сквозь зубы и натянула то, что приготовила с вечера. Местная одежда оказалась компромиссом между её требованиями и реальностью: тёмные бриджи, которые здесь называли «дорожными штанами» (нашлись в сундуке прежней хозяйки, и это было лучшее, что Вера нашла за весь вечер), рубашка с широкими рукавами и корсет. От корсета она отказалась сразу. Вместо него — широкий кожаный пояс, который можно затянуть так, чтобы ничего не болталось. На ноги — сапоги на размер больше, зато без каблуков.

Она толкнула дверь и вышла в коридор.

Дом оказался больше, чем она думала. Два этажа, деревянная лестница, тёмные балки под потолком. Пахло сушёными травами и чем-то кисловатым — кажется, вчерашним ужином. Крик повторился, и теперь Вера поняла, откуда он: первый этаж, комната слева от лестницы. Кажется, кухня.

Она спустилась, стараясь не шуметь. Навык, выработанный годами работы в МЧС: сначала оцени обстановку, потом действуй. Осторожно заглянула в приоткрытую дверь.

Кухня была просторной, с большим очагом и тяжёлым столом посередине. Женщина в чепце — та самая, что вчера рыдала над Верой, — стояла, вжавшись спиной в стену. Перед ней на полу извивалось нечто.

Это «нечто» было размером с крупную кошку, но на кошку походило мало. Скорее, на помесь ящерицы и летучей мыши: кожистые крылья, длинный хвост с шипом на конце, тусклая чешуя, отливающая то ли синим, то ли зелёным. Существо шипело, раздувая горловой мешок, и пыталось взлететь, но одно крыло явно было повреждено.

Женщина заметила Веру и закричала снова:

— Госпожа! Не подходите! Оно ядовитое! Это болотный виверн, я видела таких на картинках, у них яд в хвосте!

Вера посмотрела на «виверна». Потом на женщину. Потом на сковороду, которая висела над очагом. Тяжёлая, чугунная. Отличное оружие.

Она сделала шаг вперёд, взяла сковороду и присела на корточки.

— Вы что! — ахнула женщина. — Госпожа!..

Существо повернуло голову к Вере. Глаза у него оказались большими, янтарно-жёлтыми, с вертикальным зрачком. И совсем не злыми. Скорее, испуганными. Оно зашипело громче, но не атаковало — наоборот, попыталось отползти под стол, волоча повреждённое крыло.

— Тише, — сказала Вера спокойно, почти ласково. — Тише, маленький. Я не сделаю тебе больно. Дай посмотрю.

Женщина за её спиной затихла, кажется, от изумления. Существо тоже перестало шипеть. Вера медленно, очень медленно протянула руку. Не сверху — так хищники атакуют. Снизу, ладонью вверх, давая понюхать.

— Вот так, — продолжала она тем же голосом, которым когда-то успокаивала собак под завалами и перепуганных де-

тей. — Ты просто испуган. Крыло болит? Я посмотрю, и всё пройдёт.

Виверн дёрнул носом, принюхиваясь. Кончик раздвоенного языка мелькнул и исчез. А потом — Вера сама не поняла, как это вышло, — он вдруг подался вперёд и ткнулся мордой ей в ладонь. Чешуя была тёплой и шершавой, как наждачная бумага.

— Вот и умница, — прошептала Вера и осторожно, стараясь не задеть больное крыло, взяла его на руки.

— Госпожа, вы... — женщина выдохнула. — Вы сумасшедшая?

— Возможно, — согласилась Вера. — Как тебя зовут?

— М-м-марта, госпожа. Я служанка покойной госпожи Дайан. То есть... ваша служанка. Если вы меня не прогоните.

— Я тебя не прогоню, Марта. Но ты должна привыкнуть к одной вещи.

— К какой, госпожа?

Вера поднялась, держа виверна на руках, и повернулась к

служанке. Та смотрела на неё круглыми от ужаса глазами — утро явно пошло не по плану.

— Я немного... другая. Не такая, как Дайан. Я буду делать странные вещи. Задавать странные вопросы. Возможно, нарушать местные правила. Если ты к этому не готова — лучше скажи сейчас.

Марта сглотнула.

— Вы спасли мне жизнь, — сказала она неожиданно твёрдо. — Дайан, прежняя госпожа, была добра ко мне, но... она была слаба. Она не смогла вынести того, что с ней сделали. А вы — вы сильная. Я вижу. Я останусь.

— Хорошо. Тогда первый вопрос: откуда у нас на кухне ядовитый болотный виверн?

— Я не знаю! — Марта всплеснула руками. — Я спустилась растопить очаг, а он уже был здесь! Видимо, пролез в подпол. Или через окно. Может, его кто-то подбросил? Госпожа, это очень дорогое существо. Маги платят за них бешеные деньги. Из них делают какие-то зелья. Или амулеты. Или...

— Ясно, — оборвала её Вера. — Дорогое, магическое,

подбросили или пролезло. Будем разбираться. А пока найди мне чистую ткань и что-нибудь для перевязки. Крыло у него не сломано — растяжение или ушиб. Попробую зафиксировать.

Марта кивнула и бросилась к сундуку в углу. А Вера села на лавку, устроила виверна на коленях и тихо сказала ему:

— Ты не ядовитый. Ядовитые твари не дают себя гладить. Ты просто страшный снаружи. Я тоже иногда такая. Договорились?

Виверн моргнул янтарными глазами и, кажется, понял.

Через полчаса виверн был перевязан, накормлен кусочками вяленого мяса (Марта ворчала, но мясо дала) и устроен в корзине у очага. Вера как раз заканчивала мыть руки, когда в дверь постучали.

— Войдите, — сказала она, ожидая Алекса.

Но это был не Алекс.

На пороге стоял молодой парень — лет двадцати, не боль-

ше. Светлые волосы, веснушчатое лицо, простая одежда — что-то вроде курьерской формы. В руках он держал свёрнутый пергамент, перевязанный синей лентой.

— Госпожа Дайан? — спросил он, явно нервничая.

— Допустим, — осторожно ответила Вера.

— Вам просили передать. Срочно. Из городской управы.

Он сунул пергамент ей в руки, поклонился и исчез прежде, чем она успела задать вопрос.

Вера развернула свиток. Бумага была плотной, с водяными знаками — не то герб, не то магическая печать. Почерк — каллиграфический, с завитками. Но главное было не в почерке. Главное было в содержании.

Она прочитала один раз. Потом второй. И медленно опустилась на лавку.

— Госпожа? — Марта заглянула ей через плечо. — Что-то плохое?

— Зависит от точки зрения, — сказала Вера. — Тут сказано, что я обвиняюсь в покушении на убийство.

— Что?! — Марта побледнела. — Но... как... кого?

— Некогого господина Корвина Таннера. Мужа Дайан.

Марта охнула и прижала руку ко рту.

— Так вот почему она... — прошептала она. — Вот почему госпожа Дайан полезла в петлю.

Вера встала и выглянула в окно. По улице, утопая в утреннем тумане, к дому направлялись трое. Впереди — высокий мужчина в тёмно-синем мундире, явно местный страж порядка. За ним двое дюжих парней с дубинками.

— Марта, — сказала Вера спокойно, хотя внутри всё звенело от напряжения. — Быстро рассказывай, кто такой Корвин Таннер и что у него за отношения с Дайан.

— Это... это очень плохой человек, госпожа, — зашептала Марта, сбиваясь и оглядываясь на дверь. — Он купец. Богатый. Очень влиятельный. Дайан выдали за него пять лет назад, когда её семья разорилась. Он был жесток. Очень. Она боялась его до смерти. А неделю назад она... она что-то сделала.

— Что именно?

— Я не знаю! Клянусь богами, не знаю! Она ушла ночью, вернулась под утро, вся в слезах. А на следующий день сказали, что Корвин Таннер при смерти, что его пытались отравить, и что подозревают жену. И она... она сломалась. Решила, что лучше умереть самой, чем ждать, когда её заберут.

В дверь забарабанили.

— Открывайте! — прозвучал грубый голос. — Именем Короны! Госпожа Дайан Таннер, вы обязаны проследовать с нами!

Вера глубоко вдохнула. Выдохнула. Мысли метались, как стая воробьёв, но где-то глубоко внутри включился знакомый холодный режим. Режим спасательной операции. Только теперь спасти нужно было себя.

— Марта, — сказала она быстро. — Как только мы уйдём, найдёшь Алекса. Расскажешь всё, что знаешь. Виверна спрячешь. Если спросят — не знаешь, откуда он взялся. Поняла?

— Да, госпожа.

— И ещё... — Вера помедлила. — Дайан — она могла дей-

ствительно пытаться убить мужа?

Марта подняла на неё глаза. В них стояли слёзы.

— Госпожа, — прошептала она. — Я бы на её месте попыталась.

Дверь содрогнулась от нового удара.

— Последнее предупреждение!

Вера одёрнула рубашку, поправила пояс и пошла открывать.

Стражник в синем мундире оказался именно таким, каким она его себе представляла: квадратное лицо, маленькие глазки, усы щёткой, выражение лица «я тут самый главный, пока начальство не видит».

— Госпожа Дайан Таннер? — проговорил он, окидывая её взглядом. — Вы арестованы по обвинению в покушении на жизнь господина Корвина Таннера. Прошу проследовать с нами без сопротивления.

— Я не Дайан, — спокойно сказала Вера.

Стражник моргнул.

— Что?

— Я сказала: я не Дайан Таннер. Дайан Таннер мертва. Повесилась вчера вечером. Я — её сестра. Приехала сегодня утром, нашла тело. Вот, смотрите.

И она указала на свою шею — туда, где до сих пор краснел след от верёвки.

Стражник опешил. Открыл рот. Закрыл. Нахмурился.

— След от верёвки, — продолжала Вера, не давая ему опомниться. — Видите? Она повесилась. Если бы не я, тело до сих пор висело бы в комнате наверху. Хотите взглянуть?

— Но... — стражник переглянулся со своими спутниками. — Нам сказали, что госпожа Таннер жива. Что её видели вчера вечером.

— Видели меня. Обознались. Мы с сестрой похожи.

Стражник смотрел на неё с растущим подозрением. Но

в его глазах мелькнула растерянность — Вера знала этот взгляд. Так смотрят люди, которые пришли исполнять простой приказ и внезапно наткнулись на ситуацию, не описанную в инструкции.

— Допустим, — сказал он наконец. — И кто вы, госпожа...?

— Вера, — ответила она. — Просто Вера. Моя фамилия вам ничего не скажет, я издалека.

— И вы явились в дом к покойной сестре, не известив власти?

— Я явилась в дом к покойной сестре, сняла её из петли и собиралась известить власти прямо сегодня. Вы меня опередили.

Стражник засопел. Думал. Очевидно, начальник не обрадуется, если выяснится, что главную подозреваемую упустили — в прямом смысле, в петлю. Но и уйти просто так он не мог.

— Мне нужны доказательства, — сказал он наконец. — Если вы не Дайан Таннер, кто может это подтвердить?

— Я, — раздался голос за его спиной.

Алекс стоял у калитки — невесть откуда появившийся, невозмутимый, в своём тёмном плаще, с ножнами на поясе. В утреннем тумане он выглядел как персонаж готического романа: бледное лицо, острые скулы, холодные глаза. Стражник вздрогнул, когда его увидел.

— Прошу прощения, господин, — проговорил он с неожиданной почтительностью. — Я вас не заметил.

— Я это заметил, — сухо ответил Алекс. Он достал из кармана какой-то жетон, блеснувший серебром. — Канцелярия Межмирья. Эта женщина находится под нашей юрисдикцией. Всё, что касается смерти Дайан Таннер и обвинений против неё, будет рассматриваться через наше ведомство.

У стражника отвисла челюсть.

— Канцелярия? Но... мы не получали уведомлений...

— Теперь получили, — Алекс убрал жетон. — Госпожа Вера — наш сотрудник. Вчера она прибыла в город по делам Канцелярии. Смерть сестры застала её врасплох, что объясняет отсутствие своевременного извещения. Все вопросы — ко мне. Моё имя Алекс Северов, куратор. Адрес Канцелярии

в этом городе вам известен?

— Н-нет, господин... Мы вообще не знали, что у вас тут есть адрес...

— Теперь знаете. Верхний квартал, Дом с флюгером. Приходите после полудня, получите все необходимые бумаги. А сейчас — оставьте нас.

Стражник поклонился. Честное слово, поклонился! Его подручные неуклюже повторили жест. Через минуту все трое скрылись в тумане.

Вера посмотрела на Алекса.

— Верхний квартал, Дом с флюгером? — переспросила она. — Красиво придумал.

— Я ничего не придумывал. Это реальный адрес местного отделения Канцелярии. Я снял его вчера вечером.

— Снял? В смысле арендовал?

— В смысле заплатил хозяину. Что тебя удивляет?

Вера покачала головой. Этот человек продолжал её пора-

жать.

— Ладно. Допустим, мы отбились от стражи. Но обвинение-то осталось. Если Корвин Таннер действительно при смерти и меня — то есть Дайан — подозревают в покушении, это надо как-то решать.

— Решать будем по дороге, — Алекс развернулся и направился к стоящей у забора повозке, которую Вера только сейчас заметила. — Мы выезжаем немедленно. След мага-дипломата уже остывает. Каждый час на счету.

— Ты шутишь, — Вера догнала его. — Меня обвиняют в попытке убийства, а ты хочешь, чтобы я бросила всё и поехала искать какого-то дипломата?

— Именно, — Алекс остановился у повозки и повернулся к ней. — Послушай, Вера. Корвин Таннер — не просто богатый купец. Он финансирует партию войны. Он заинтересован в том, чтобы договор между Ревалем и Тарсией не был подписан. И есть серьёзные основания полагать, что исчезновение Орлана Винтера — его рук дело. Или его покровителей.

— То есть...

— То есть, если мы найдём дипломата и восстановим договор, мы решим сразу две проблемы. Предотвратим войну и уберём Таннера с доски. Потому что когда правда вскроется, ему будет не до жены.

Вера замолчала. В голове щёлкали шестерёнки, складывая факты в новую картину. Значит, Дайан была не просто жертвой домашнего тирана. Она была женой заговорщика. И её смерть — или то, что она сделала перед смертью, — могло быть связано с куда более крупной игрой.

— Сколько у нас времени? — спросила она.

— На сборы — пятнадцать минут. На всё остальное — пока неизвестно. Ты идёшь?

Вера оглянулась на дом. На кухне, в корзине у очага, спал перевязанный виверн. Марта стояла на пороге, комкая в руках передник. В этом доме оставалось множество вопросов без ответов.

Но где-то там, за горизонтом, исчез человек, от которого зависели тысячи жизней. И Вера слишком хорошо знала цену одного промедления.

— Дай мне десять минут, — сказала она.

Ровно через десять минут она вышла из дома с дорожной сумкой в руках. В сумке лежали: смена одежды, немного еды, фляга с водой и — после короткого спора с Алексом — корзина с виверном.

— Это ещё зачем? — спросил он, разглядывая существо.

— Потому что он ко мне привязался. И потому что у меня чувство, что он здесь не случайно. Кто-то подбросил его в дом. Кто-то, кто знал, что Дайан должна была умереть. Такие вещи не происходят просто так.

Алекс помолчал, потом кивнул — коротко, сухо, как будто ставил галочку в невидимом списке.

— Хорошо. Но если он кого-нибудь укусит, отвечать будешь ты.

— Он не кусается.

— Откуда ты знаешь?

Вера вспомнила янтарные глаза, ткнувшуюся в ладонь

морду, тихое урчание, когда она меняла повязку.

— Знаю, — сказала она. — И хватит вопросов. Нам, кажется, пора спасать мир. Опять.

Алекс чуть заметно усмехнулся.

— Привыкай. Это теперь твоя работа.

Повозка тронулась. Город остался позади — серый, туманный, полный загадок. Впереди лежала дорога на север, к горам, где в последний раз видели пропавшего дипломата.

Вера сидела на жёсткой деревянной скамье, придерживая корзину с виверном, и думала о том, что за двенадцать часов успела умереть, воскреснуть, получить новое тело, новое имя и новое обвинение в убийстве. Интересно, что будет дальше?

Она ещё не знала, что уже к вечеру столкнётся с порталом, который едва не убьёт их обоих. И что Корвин Таннер — вовсе не тот, за кого себя выдаёт.

Но это было впереди. А пока что дорога стелилась под колёса, туман расступался, и где-то над горами вставало чужое, бледное солнце.

Глава 3. Дорога на север

Повозка оказалась на удивление крепкой: деревянные борта, усиленные железными скобами, кожаный верх, натёртый воском от дождя. Две лошади — мохноногие, широкогрудые, явно не городской породы — тянули её по разбитой колее без видимых усилий. Алекс сидел на облучке, правил сам, и Вера впервые за утро могла просто сидеть и думать.

Думать было о чём.

Она разглядывала свои новые руки. Чужие руки. Тонкие запястья, бледная кожа с голубоватыми прожилками вен. Пальцы длиннее, чем у неё прежней, — музыкальные пальцы, сказала бы её мама. Но мозоли на подушечках говорили о другом: Дайан не играла на фортепиано. Она работала. Тёрла, скребла, что-то шила. Руки служанки в теле госпожи.

— Что ты знаешь о Дайан? — спросила Вера, перебираясь ближе к облучку.

Алекс не обернулся.

— Достаточно.

— Это не ответ.

— Это ответ куратора. Я знаю то, что нужно для задания. Дайан Таннер была женой Корвина Таннера, купца первой гильдии, владельца трёх мануфактур и члена городского совета. Пять лет брака. Детей нет. За последний год трижды обращалась к городскому лекарю с травмами — официально «упала с лестницы», «ошпарилась кипятком», «порезалась на кухне». Два месяца назад подала прошение о разводе. Неделю назад прошение было отклонено советом — Таннер имеет связи. Четыре дня назад Корвина нашли без сознания в собственном кабинете, с признаками отравления редким ядом — экстрактом сонной лилии. В его бокале обнаружены следы. Дайан исчезла в ту же ночь.

Вера переварила информацию.

— Она это сделала? Отравила его?

— Не знаю. Но даже если так — это не наше дело. Наше дело — Орлан Винтер.

— Как скажешь, — Вера откинулась на жёсткую спинку сиденья. — Расскажи тогда про него. Кто такой этот дипло-

мат и почему из-за него может начаться война?

Алекс помолчал, подбирая слова.

— Реваль и Тарсия враждуют уже двести лет. Когда-то это была одна страна, потом случилась гражданская война из-за престолонаследия. Границу провели по горному хребту, но ни одна сторона не считает её окончательной. За двести лет было шесть войн. Последняя закончилась пятнадцать лет назад, и с тех пор — ни мира, ни перемирия. Вооружённое перемирие с рейдами, диверсиями, пограничными стычками.

— А дипломат?

— Орлан Винтер — маг Высокой Башни, не подчиняется ни Ревалю, ни Тарсии. Маги Башни традиционно выступают посредниками в спорах. Полгода назад стороны наконец согласились сесть за стол переговоров. Орлан вёз окончательный текст договора, который должен быть подписан через пять дней. Если он не появится — переговоры сорвутся. Если они сорвутся — обе стороны обвинят друг друга в срыве. Дальше — мобилизация, ультиматумы, война.

— И кто стоит за его исчезновением?

Алекс пожал плечами.

— Таннер — один из главных подозреваемых. Он финансирует партию войны, вкладывает деньги в оружейные мануфактуры. Война ему выгодна. Но он не единственный. В Тарсии есть свои ястребы. И есть ещё кое-что.

— Что?

— Закрытые порталы, — Алекс говорил тише, словно боялся, что их подслушают. — Ты уже знаешь, что в последнее время порталы ведут себя странно. Открываются без предупреждения, закрываются, не оставляя следов. Канцелярия пытается понять причину, но пока — ничего. Орлан пропал как раз на участке, где зафиксировано три спонтанных открытия порталов за последний месяц. Мы думаем, его затянуло внутрь. Если так — обычным путём его не найти.

— Поэтому нужен Проводник, — закончила Вера.

— Именно.

Она замолчала. Пейзаж за окном менялся: городские предместья сменились полями, поля — редким лесом. Дорога пошла в гору, деревья становились выше и темнее.

Корзина на сиденье рядом зашевелилась. Виверн высунул

морду, покрутил головой и издал странный звук — нечто среднее между урчанием и чириканьем.

— Он хочет есть, — сказала Вера.

— Он хочет на волю, — поправил Алекс. — Это дикое существо, не забывай.

— Дикое существо, которое ко мне привязалось. Ты сам говорил, что в этом мире случайностей не бывает. Может, он для чего-то нужен?

Алекс бросил короткий взгляд через плечо.

— Допустим. Тогда дай ему имя.

— Что?

— Имя. Если он твой спутник, у него должно быть имя. Таковы правила.

Вера посмотрела на виверна. Тот склонил голову набок и уставился на неё янтарными глазами. Чешуя на солнце отливала синим и зелёным, как бутылочное стекло.

— Осколок, — сказала она. — Будешь Осколком. Потому

что ты похож на осколок цветного стекла. И потому что ты тоже, кажется, откуда-то выпал.

Виверн чирикнул — кажется, одобрительно.

— Осколок, — повторил Алекс с непонятной интонацией.
— Хорошо. Пусть будет Осколок.

К полудню они остановились у придорожного трактира — длинного приземистого здания с конюшней и колодцем. Алекс пошёл поить лошадей, а Вера взяла корзину с Осколком и направилась внутрь.

В трактире было пусто. Только хозяин — крупный лысоватый мужчина в заляпанном переднике — протирал стойку. При виде посетительницы он оживился:

— Госпожа! Прошу, проходите! Желаете обед? У меня сегодня отличное рагу из кролика, свежий хлеб, сыр...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.